

«Проблемы поэтики Достоевского» и тенденции развития полифонии в современной прозе

© 2023 Н.Б. Король

*Нина Борисовна Король, аспирант кафедры русской филологии
Гродненского государственного университета им. Я. Купалы
E-mail: knb.6444@gmail.com*

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы.
Гродно, Республика Беларусь

Аннотация. В статье исследуются объективные причины зарождения и развития диалогического типа мышления в его взаимосвязи со сменой литературных эпох. Отмечается возникновение базисных принципов открытой М.М. Бахтиным полифонии на этапе функционирования индивидуально-творческого типа художественного сознания. Рассматриваются основные особенности культурной ситуации XIX в., а также то, как они резонируют со специфическими чертами эпохи XXI в. Анализируются произведения Е.Г. Водолазкина, М.П. Шишкина и В.А. Шарова с точки зрения теории полифонии, отмечаются интегральные и индивидуально-авторские черты полифонического повествования на современном этапе развития литературы.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, полифония, художественное сознание, диалогизм, Е.Г. Водолазкин, М.П. Шишкин, В.А. Шаров, лейтмотив, нарратив, двойничество.

М.М. Бахтин своим трудом «Проблемы поэтики Достоевского» не только кардинально изменил представление о творчестве самого Ф.М. Достоевского, но и создал новый принцип анализа текстов, положил начало долгой традиции исследования литературных произведений. Возникновение и развитие литературной полифонии Бахтин связывал сугубо с именем Достоевского. По мнению мыслителя, романы писателя отражают уникальный для XIX в. тип отношения автора к герою как к субъекту мысли, что основывается на феноменах многоголосия и диалога, закономерно влияющих и на структуру произведения. Данное утверждение актуализирует вопрос о причинах, механизмах зарождения диалогического мышления и возможностях его активного функционирования в XX и XXI вв. Явления, ставшие основой для возникновения полифонии в романах Достоевского, носят как субъективный (связанный с личностью самого писателя), так и объективный характер (историко-культурная ситуация и ее влияние на литературное пространство). В контексте темы статьи нас интересуют именно объективные причины зарождения и последующего развития диалогического типа мышления.

В статье С.С. Аверинцева, М.Л. Андреева, М.Л. Гаспарова, П.А. Грицера и А.В. Михайлова отмечается, что существуют «три наиболее общих и устойчивых типа художественного сознания, особенно значимых для исторической поэтики»: 1) архаический или мифопоэтический; 2) традиционалистский или нормативный; 3) индивидуально-творческий или исторический (т. е. опирающийся на принципы историзма) [1, с. 4]. Авторы статьи разграничивают указанные эпохи на основе смены иерархии «поэтологических понятий», наиболее репрезентативными из которых являются категории стиля, жанра и автора. Отсюда становится очевидным, почему анализ литературных эпох является определяющим в контексте поиска предпосылок возникновения полифонии: постепенное становление категории авторства напрямую влияет на возможность реализации диалогических принципов.

Смена литературных эпох тесно связана с эволюцией авторского слова в его отношении к изображаемой действительности и знаменует поэтапное ослабление господства монологического типа мышления. За архаическим периодом, характеризующимся мифопоэтическим художественным сознанием с отсутствием категории авторства как таковой, следует риторическая эпоха, постулирующая традицию как обязательный центр словотворчества (авторство здесь выступает как частный случай, разновидность канона). Литература XVIII – первой половины XIX в. положила начало разрушению строгого стилистического, жанрового и идейного центра: на смену традиционалистскому художественному сознанию приходит индивидуально-творческое, автор становится центральной категорией поэтики [см.: 1, с. 33].

Наибольшую роль в подобных качественных изменениях играют романтизм и реализм как ведущие художественные стили того времени: «С романтизмом кончается долгая пора господства риторического “готового слова”... Если прежде “готовые формы” разделяли писателя и действительность, и взгляд писателя... всегда встречался с закрепленным в традиции словом как посредником... то теперь писатель, обращаясь к действительности, применяет к ней *свое* слово» [1, с. 34]. Если поэт-романтик пытается распространить власть своего слова на всю действительность, то слово в реализме, оставаясь индивидуально-личным инструментом писателя, в то же время – слово предметное, принадлежащее самой действительности. Поэтические принципы реализма авторы статьи описывают как диалогические: «Писатель-реалист пытался изобразить реальность... во всех ее “непоэтических слоях”, давая им равную возможность высказывания», называя в целом полифонию голосов «общим случаем для реалистической литературы XIX в.» [1, с. 35]; полифония Достоевского, таким образом, видится авторам только частностью.

Помимо этого, основные принципы диалогичности, взятые Бахтиным за фундамент его теории, формируются в самом «неканоническом» из жанров: романное мышление изначально предполагает наличие диалога. Структурирование романа, как считает Н.Т. Рымарь, происходит за счет взаимодействия «отношений дистанции и контакта как системы и антисистемы, в котором и разворачивается, разрабатывается образ человека в его противоречивом, диалогическом единстве с миром» [5, с. 74]. Это значит, что роман организован по принципу взаимодополнения категорий прямого и непрямого изображения (по Н.С. Лейтес): «Прямое изображение внешнего мира уравнивается непрямым изображением мира внутреннего» [5, с. 74]. Диалог является фундаментом сюжетно-композиционной разработки романа, которую Рымарь описывает как «ценностное преломление» композиции материала «в различных точках зрения, голосах, в силу чего роман становится художественно организованным разноречием» [5, с. 75]. Также на основе диалогического взаимодействия писатель выстраивает и образ своего героя, и образ мира.

Происхождение литературной полифонии также напрямую связано с трансградиентными факторами, а именно с социокультурной ситуацией. Так, О. Каус искал причины возникновения полифонического многоголосия в исторической эпохе и сопутствующих ей культурных изменениях. Исследователь считал, что «мир Достоевского является чистейшим и подлиннейшим выражением духа капитализма» [цит. по: 2, с. 25]. До прихода в Россию капитализма те социальные, культурные, а следственно, и идеологические пласты, которые в произведениях Достоевского представлены в тесном взаимодействии, были заметно разделены, прочно замкнуты в самих себе. В эпоху резкой иерархизации не было «материальной плоскости для их существенного соприкосновения и взаимного проникновения» [цит. по: 2, с. 25]. С приходом капитализма описанное ограничение нивелировалось, замкнутость разных культурных пластов разрушалась, при этом идеологии, формировавшиеся на протяжении долгого времени в изоляции, сталкивались и начинали взаимодействовать: «Их слепое сосуществование и... идеологическое взаимное игнорирование друг друга кончились, и

взаимная противоречивость их и в то же время их взаимная связанность раскрылись со всею ясностью» [цит. по: 2, с. 25].

Описанные выше свойства индивидуально-творческого художественного сознания начала XIX в., их закреплённость в реализме, а также особенности романа как жанра внутренне диалогичного и принципиально незавершёмого не охватывают полноту бахтинской теории целиком, однако являются своеобразными «маркерами», гарантирующими полифонии некоторую «стабильность» в литературном процессе, возможность возобновляться и развиваться, иметь устойчивую традицию. Отсюда закономерной видится необходимость исследования полифонических элементов в XXI в., наиболее располагающем к актуализации принципов многоголосия. Так, для указанного этапа развития литературы характерно не только «господство» романа как одного из ведущих жанров (здесь следует отметить и процессы жанровой деканонизации, ещё более расширяющие границы романного диалогизма), но и возобновление реалистических традиций. Помимо этого современная социокультурная ситуация резонирует с общественным состоянием первой половины XIX в., описанной Каусом: резко возникшее в то время в связи с распространением капитализма смешение разных культурных пластов и идеологий на сегодняшний день повторяется за счёт культурной глобализации, позволяющей диаметрально противоположным позициям постоянно взаимодействовать за счёт открытости и общедоступности любого вида информации и коммуникации.

Ситуация доминирования авторского завершающего слова в произведении с переосмыслением концепции истины в постмодернизме также изменяется. Истина перестаёт быть адекватным и точным отражением сущности объективного мира, её рождение переносится из сферы «верного», подкреплённого реальными фактами, в сферу субъективного. М.А. Можейко пишет: «В постмодернистской своей трактовке истина выступает как одно из проявлений интерпретационного своеволия субъекта»; так, по мнению М. Фуко, истина есть «совокупность правил», которыми руководствуется субъект в процессе познания, организованном в соответствии с «нормативными требованиями, характерными для того или иного типа дискурса» [4, с. 295]. Соответственно, в XXI в. в постмодернистской литературе (или литературе, находящейся на границе с постмодернизмом, как в случае исследуемых нами текстов) попытки авторов прямо и открыто высказать своё *объективное* слово, создать «одноголосый» художественный мир, представляются выходящими за рамки современной литературной и культурной ситуации. При этом потребность в изложении даже субъективной истины в ситуации крайнего многоголосия с актуализацией реализма становится для авторов причиной поиска новых путей к отражению своего Слова. Полифония становится закономерным элементом современного литературного процесса, что не отменяет стремление писателей найти выход личной точке зрения в многоголосом тексте. Данный феномен реализуется посредством полифонической организации всех уровней текста с условием непрямого отражения авторской позиции, необходимым условием которого является идейное многоголосие.

Порождает полемику среди ученых нерешённость вопроса о степени влияния авторского сознания на текст и связанной с ним проблемы целостности полифонического произведения. Это приводит к тому, что литературная полифония в настоящее время используется исследователями в качестве некой парадигмы структуры текста, которая может объяснять некоторые элементы произведения, но не сам текст в целом, и наоборот. В связи с этим, современные исследования полифонии продвигаются по пути уникализации: термин, предложенный Бахтиным, сужается, в зависимости от аспектов анализа появляются различные типы полифонии, направленные на характеристику конкретного уровня текста, а не в целом концепции произведения: «структурно-тематическая» (Г.Б. Буянова), «жанровая» (Д.К. Карслиева, Н.Е. Титкова), «композиционная» (О.А. Харитонов, Н.Р. Уваров),

«сюжетная» (О.В. Барский, Ю.Н. Чумаков), «повествовательная» (П.А. Колобаев, О.И. Осипова).

Нами проанализированы идейно-тематический, лейтмотивный, персонажный и нарративный уровни романов Е.Г. Водолазкина, М.П. Шишкина и В.А. Шарова и отмечены определенные тенденции в современной реализации полифонических принципов. Идейно- тематический и лейтмотивный уровень всех текстов представляет собой многогранную и многоуровневую систему, элементы которой находятся в непрерывном диалоге, надтекстовое «пересечение» или «столкновение» частей этой системы и отражает скрытую за многоголосием авторскую позицию. Идейная структура романов Водолазкина «Лавр» и «Брисбен» из всех, наиболее тяготеющих к монологизму, состоит из пересекающихся тем отсутствия времени, религии, любви, творчества, деторождения и смерти, каждая из которых так или иначе ведет героев к осознанию вечности: «Тело твое пришло в негодность, готовься его оставить; знай, что оболочка сия несовершенна» [3, с. 9].

К перечисленным темам также примыкают и вступают с ними в диалог различные образы и мотивы, в частности, образы кладбища, гроба, домры, лейтмотивы трансгрессии, пути, вечного возвращения, музыкального творчества, воскрешения, влюбленности и смерти. Причем в текстах активно функционирует и противоположная позиция: идея линейности и конечности жизни диалогизируется путем «раздвоения» некоторых из перечисленных выше лейтмотивов и образов. Так, образы кладбища и гроба, в зависимости от доминирующей точки зрения, могут символизировать как приближение неотвратимого конца, так и цикл вечной жизни. Трансгрессия также делится на «восходящую» и «нисходящую», где первая – духовная любовь, ведущая к Богу, вторая – влюбленность, плотское увлечение. Вечное возвращение, в зависимости от смены мировоззрения героев, приобретает противоположные коннотации: с одной стороны, это «неизбежность повторения», с другой – возможность вернуться к началу, начать жизнь заново.

Идейно-тематическая, лейтмотивная и образная системы романов Шишкина «Венерин волос» и «Письмовник» представляют собой некую парадигму с переходящими идеями, образами и символами. Все элементы идейного целого, на первый взгляд разрозненные, объединены общим авторским пониманием бессмертия. Так, самостоятельные нарративы в

«Венерином волосе», письма и истории Саши и Володи в «Письмовнике» так или иначе затрагивают тему смерти и общего смысла бытия. Функционирующие в романах при этом лейтмотивы опять же отсылают нас к идеям воскрешения в слове, любви или деторождении: библейские аллюзии, образы древних цивилизаций, лейтмотивы отцов и детей, трансгрессии, любви, смерти и рождения. Развитие мысли Шишкина, в романах представленное в виде полемики между словесным и настоящим, происходит в пользу реальности: если «Венерин волос» не дает четкого ответа, а полифонично представленные идеи существуют на равных, то в «Письмовнике» мысль вполне завершена в пользу естественного бессмертия в виде рождения и умирания: «Слова могут создать что-то свое, но ты не можешь стать словами... А главное – настоящее ни в какие слова не влезает. От настоящего – немеешь. Все, что в жизни происходит важного, – выше слов» [8, с. 200].

Однако приемы для конструирования сложной системы смыслов и подсмыслов используются одинаковые: полифоничное множество деталей, объединенных только общим смысловым контекстом, функционирует в непрерывном диалоге, который происходит внутри авторского сознания, пусть и незавершенного. Соответственно, полифоничное множество гармонично вписывается в монологический художественный мир, а общая концепция романов от диалогической незавершенности и взаимодействия двух противоположных идей в «Венерином волосе» переходит к монологическим ответам в «Письмовнике» при тех же полифонических приемах построения.

В романах Шарова «Воскрешение Лазаря» и «Возвращение в Египет» – общая тема: осмысление русской истории сквозь призму религиозных текстов. Однако, в отличие от предыдущих текстов, внутри этой темы функционирует полифоническое множество идей, которые, сталкиваясь в постоянном диалоге, порождают еще большее количество мнений. Цель автора при организации идейно-тематической системы – не утверждение своего мировоззрения, а попытка продемонстрировать точку зрения людей того времени. Не сам Шаров, а его герои живут в мире идей, что отсылает нас к бахтинскому видению полифонического романа, включающего в себя идею как самоценность. Развитие персонажей Шарова – это буквально развитие их идей, смена точек зрения и взглядов на жизнь. При этом ни одна из функционирующих в романах концепций не доводится до конца, все встречающиеся мнения так или иначе подвергаются сомнениям, а единого эксплицитно выраженного монологического центра, оценивающего голоса героев с позиции истинности/ложности, в текстах нет.

Несмотря на то, что мотивы и образы романа также в целом сводятся к общей тематической точке, они все еще двойственны и могут примыкать к разнонаправленным идеям (образ Вавилонской башни функционирует как через призму богопротивности народа, так и через призму доказательства его силы). Идеино-тематическая структура романов «Воскрешение Лазаря» и «Возвращение в Египет» наиболее приближена к полифонии в классическом ее понимании, при этом авторский голос имплицитно функционирует через мотив карнавализации, демонстрирующий бессмысленность проливаемой крови и абсурдность попыток ее оправдания: «Революция – вещь сложная, отчасти и карнавальная» [6, с. 289].

Персонажная структура всех исследуемых романов организуется по принципу разветвленной системы двойников, каждый из которых примыкает к тому или иному идейному полюсу. Однако в рамках включенного в текст монологического элемента в текстах преобладают двойники типа дублеров. В текстах Водолазкина внутреннее двойничество является результатом не душевного раскола, а буквального воплощения идеи цикличности времени (герой становится двойником самому себе, но в разных временных промежутках): «Несмотря на такое несходство, мальчик понимал, что это его собственное отражение. Только много лет спустя. И в иных обстоятельствах» [3, с. 33].

В романах Шишкина, структурированных как диалог между постмодернистскими концепциями смерти и воскрешения субъекта, внутреннее двойничество является результатом доминирования Слова над личностью (все уже сказано, в связи с чем и судьба любого героя уже предсказана; человек – только условность, у Шишкина он беспрепятственно занимает место в любой истории): «... все истории уже сто раз рассказаны. А вы – это ваша история» [7, с. 58].

Деление двойников на типы у Шарова в целом не представляется возможным в связи с неустойчивостью их взглядов: любые персонажи в тот или иной момент открыто, имплицитно или символически могут придерживаться той или иной идеи, даже внутреннее им противоречащей, это буквально герои-идеи. При этом в произведениях функционируют карнавальные пары: один из персонажей предстает «сниженной», смеховой копией своего двойника. Символичность героев, их принадлежность к той или иной концепции, позволяет реципиенту ориентироваться в идейном множестве, т. е. авторская позиция имплицитно присутствует в текстах.

Произведения Водолазкина, Шишкина и Шарова на нарративном уровне отвечают основным принципам полифонии, сформулированным Бахтиным. При этом структурный уровень текстов с его многоплановостью и диалогичностью все еще подчинен общей идейной концепции. Также в произведениях функционируют интегральные элементы, наиболее свойственные полифоническим текстам XXI в.: активное использование эпистолярной формы или жанра дневниковых записей, т. е. упор на диегетичность повествования и отказ от нулевой фокализации; подчеркнутая нелинейность нарративного акта, размытый хронотоп или отсутствие его

принципиального значения, смешение принципов разных художественных методов, жанровое многоголосие. Причем все эти приемы реализуются в рамках имплицитного диалога идей.

Отличительной особенностью текстов Водолазкина является уникальный «спиральный» хронотоп, причем диалог между идеями смерти и вечности отражается и через смену концепции времени: линейность течения жизни героя сопутствует греху, когда как цикличность проявляется при «очищении» персонажей, что созвучно диалогу между средневековым и современным мироощущением в романах: «Возлюбив геометрию, движение времени уподоблю спирали. Это повторение, но на каком-то новом, более высоком уровне» [3, с. 376].

Идейная позиция Шишкина в обоих романах актуализирует полифонические приемы: гармоничное взаимодействие разных эпох, культур, пространств, жанров, лексических пластов, точек зрения и идей демонстрируют онтологичность текста, в связи с чем любой нарратив – только часть уже когда-то произошедшего: «Истории меняют вас, как вареники. Поймите, истории – это живые существа» [7, с. 134]. Хронотоп у Шишкина определяется категориями «всегда» и «везде». Значимым различием между полифонической основой данного феномена и проявлением характерной для постмодернизма игровой сущности является закрепленность нарративных элементов за той или иной идеей или точкой зрения.

Для романов Шарова отличительной особенностью является факультативность времени и пространства в целом, т. к. основное событие текстов – это событие идейного диалога, которое при этом не отменяет имплицитную монологизацию через иронизирование и гиперболизацию.

Таким образом, феномен литературной полифонии в произведениях XXI в., сохраняя основные признаки, выделенные и описанные Бахтиным, вбирает в себя как общие для современной ситуации, так и индивидуально-авторские приемы. Главная особенность функционирования и развития явления полифонии заключается в его взаимодействии с монологическими принципами, что предполагает использование писателями полифонических средств для наиболее продуктивного отражения авторского видения.

1. *Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Грицер П.А., Михайлов А.В.* Категория поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
3. *Водолазкин Е.Г.* Лавр. М.: Изд-во АСТ, 2015. 440 с.
4. *Можейко М.А.* Игры истины // Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: ИНтерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 295–296.
5. *Рымарь Н.Т.* Поэтика романа. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 253 с.
6. *Шаров В.А.* Возвращение в Египет. М.: Текст, 2020. 685 с.
7. *Шишкин М.П.* Венерин волос. М.: АСТ, 2019. 572 с.
8. *Шишкин М.П.* Письмовник. М.: АСТ, 2021. 380 с.

“Problems of Dostoevsky’s poetics” and trends in the development of polyphony in modern prose

© 2023 N.B. Korol

Nina Borisovna Korol, graduate student at the Department of Russian
Philology, Yanka Kupala State University of Grodno
E-mail: knb.6444@gmail.com

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, the Republic of Belarus

Annotation. The article examines the objective reasons for the emergence and development of the dialogical type of thinking in its relationship with the change of literary eras. It notes the emergence at the stage of functioning of the individual creative type of artistic consciousness of the basic principles of the polyphony, which were discovered by M.M. Bakhtin. It considers the main features of the cultural situation of the 19th century, as well as how they resonate with the specific features of the 21st century culture. It analyzes the works by E.G. Vodolazkin, M.P. Shishkin and V.A. Sharov from the point of view of Bakhtin's theory of polyphony, and notes the integral and individual authorial features of polyphonic storytelling at the present stage of literature development.

Keywords: M.M. Bakhtin, polyphony, artistic consciousness, dialogism, E.G. Vodolazkin, M.P. Shishkin, V.A. Sharov, leitmotif, narrative, duality.

1. *Averincev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L., Gricer P.A., Mihajlov A.V.* Kategoriya poetiki v smene literaturnyh epoh // Istoricheskaya poetika. Literaturnye epohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya. M.: Nasledie, 1994. S. 3–38.
2. *Bahtin M.M.* Sbranie sochinenij. V 7 t. T. 6. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 800 s.
3. *Vodolazkin E.G.* Lavr. M.: Izd-vo AST, 2015. 440 s.
4. *Mozhejko M.A.* Igry istiny // Postmodernizm. Enciklopediya. Mn.: INterpresservis; Knizhnyj dom, 2001. S. 295–296.
5. *Rymar' N.T.* Poetika romana. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1990. 253 s.
6. *Sharov V.A.* Vozvrashchenie v Egipet. M.: Tekst, 2020. 685 s.
7. *Shishkin M.P.* Venerin volos. M.: AST, 2019. 572 s.
8. *Shishkin M.P.*, Pis'movnik. M.: AST, 2021. 380 s.